

УДК 94(575)
DOI: 10.17223/19988613/74/13

А.Д. Дерендяева, Ю.Г. Чернышов

ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.: ОСНОВНЫЕ МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

Исследуются практики нациестроительства, которые нашли отражение в гербах и флагах постсоветских государств Центральной Азии. Выделены маркеры, способствовавшие конструированию символического пространства: «идеализация национальной истории»; «преемственность по отношению к советскому периоду»; «апелляция к религиозным ценностям»; «обращение к традиционной культуре и мифологии»; «акцентирование роли лидера». Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что в данных странах формировалась особая модель символики, отражающая гибридную макрополитическую идентичность.

Ключевые слова: Центральная Азия, постсоветское пространство, символическая политика, политика идентичности, официальные государственные символы.

После распада Советского Союза в начале 1990-х гг. руководство ставших независимыми центральноазиатских республик было вынуждено срочно искать новые смыслы и символы, способствующие консолидации общества и формированию новых идентичностей. Прежняя идеологическая формула «единный советский народ» уходила в прошлое, и национальным элитам предстояло решить сложную задачу: с одной стороны, сохранить определенную преемственность с «интернациональной» советской традицией, чтобы не допустить раскола общества, а с другой – акцентировать курс на формирование новой идентичности, в основе которой – этнорелигиозные символы и ценности «коренных» народов. Параллельно шли попытки «удревнить» собственную историю, дать альтернативные оценки пребыванию своих народов в составе Российской империи и СССР, выдвинуть новых «национальных героев» и т.д. Сам процесс выработки новой символики далеко не всегда сопровождался глубокой профессиональной проработкой принимаемых решений, в связи с чем иногда происходил пересмотр уже принятых символов. Тем не менее в этом процессе нашли отражение характерные тенденции поиска основных «маркеров идентичности», что заслуживает специального изучения. Поэтому главная цель данной статьи – выявление и раскрытие особенностей использования тех «маркеров идентичности», которые закладывались в государственную символику центральноазиатских республик на данном этапе их развития.

Характеризуя степень изученности темы, стоит отметить, что проблеме идентичности (исторической, культурной, политической, религиозной, этнической и т.д.) посвящено немало работ как в зарубежной, так и в российской научной традиции (П. Бурдьё, Э.Х. Эрикссон, Е.В. Морозова, И.С. Семенов) [1–4]. Теоретическое осмысление концепта «символической политики» также находит свое отражение и у иностранных исследователей (М. Эдельман, А. Дорнер) [5, 6], и у отечественных авторов (О.Ю. Малинова, С.П. Поцелуев) [7, 8]. Есть и отдельные работы, посвященные специфике

конструирования официальной символики (Г. Элдженниус, Н.М. Йованович, Е.В. Пчелов, Н.А. Соболева и т.д.) [9–12]. Для определения методологических подходов к теме полезно учитывать концепции социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман [13]), в рамках которого государственные символы рассматриваются как элементы конструируемой социальной реальности (согласно Эрику Хобсбауму, это тоже «изобретенные традиции» [14]). Ключевым эмпирическим методом работы в таком случае может служить компаративный анализ официальных символов государств соответствующего региона.

Говоря о Центральноазиатском регионе, мы будем рассматривать его не в расширительном географическом смысле, а как территорию пяти постсоветских республик – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана (ср.: [15. Р. 25]). Центральная Азия обладает большим количеством сырьевых ресурсов и выступает как территория, стратегически важная с геополитической точки зрения. Данный регион становится пространством пересечения интересов различных политических акторов – Ирана, Китая, России, США, Турции и т.д. В то же время Центральная Азия для многих международных субъектов рассматривается в коннотации «пассивного игрока», который не может повлиять на мировую политику [16. С. 7–8]. Зачастую говорят о так называемом «квазисостоянии» территории [17] или обозначают ее как «эфемерный регион» (ephemeral region) [18. Р. 157]. Причины распространения таких оценок связаны с отсутствием сложившейся внутрорегиональной идентичности, усугубляющимися социально-политическими и экономическими размежеваниями территории (проблемы делимитации границ, водораздела рек, межэтнических отношений, наркотрафика, терроризма и т.д.). Научных работ, в которых анализируются вышеперечисленные проблемы, создано уже немало (М. Ларюэль, И. Конжак и др.) [16, 19], однако актуальная тема формирования новых символов и эволюции идентичностей до сих пор остается малоисследованной.

Республика Казахстан

Ключевой проблемой Республики Казахстан с момента возникновения независимого государства стала этническая неоднородность, причем казахи составляли менее половины населения страны (39,7%) [20]. В такой обстановке перед органами власти стояла задача обеспечить территориальное единство и найти ценностный консенсус. Однако процесс государственного строительства с самого начала был противоречивым. С одной стороны, политическая элита провозгласила, что в обществе должны утвердиться такие ценности, как «межнациональное согласие», «внутринациональное единство» [21. С. 23]. С другой стороны, на практике началось продвижение политики «казахизации», что нашло свое отражение и в культурных, и в языковых ценностях, в том числе в официальной символике.

Современный герб Республики Казахстан был утвержден Указом Президента 4 июня 1992 г. (рис. 1). Авторами символа стали Ж. Малибеков и Ш. Уалиханов. Герб апеллировал к истории тюркоязычных народов, к идеям автохтонного происхождения казахов, «золотого века кочевников». Он был представлен в форме восточного (круглого) геральдического щита, что соответствует традициям территорий Малой Азии, Среднего Востока, Дальнего Востока, Центральной Азии. Тинктура герба была выбрана неслучайно: сочетание металла (золота) и финифти сине-голубого цвета (согласно геральдическому языку – лазурь) с древних времен почиталось у тюркских народов. Золотой оттенок выступал символом знатности и богатства, а голубая палитра ассоциировалась с бескрайним небом, реками и озерами, указывала на кочевой образ жизни. Наконец, центральной фигурой геральдического щита было выбрано изображение шанырака – одного из основных символов тенгрианства – верований тюрко-монгольских кочевников. Шанырак представляет собой верхнюю сводчатую часть юрты, от которой в виде солнечных лучей во все стороны расходятся уйки (опоры). Для казахов данный элемент является символом семейного очага, своеобразной реликвией. В качестве обрамления герба выступают легендарные фигуры – мифические кони (тулпары) – из традиционной тюркской мифологии. Образ лошади в данном случае неразрывно связан с казахским воином-батыром, который вел кочевой образ жизни.

Рис. 1. Герб Республики Казахстан (1992)

В отличие от герба, различные проекты национального флага предлагались уже тогда, когда территория еще находилась в составе СССР. Так, сторонники политических партий «Алаш», «Азат» выступали за эскизы,

на которых в качестве основного элемента изображалась восьмиконечная звезда (Руб аль-хизб), что соответствует исламским традициям [22]. Однако после провозглашения независимости в 1991 г. органы государственной власти провели конкурс и из 453 проектов был выбран совершенно другой символ, автором которого стал художник Ш. Ниязбеков. Современный флаг Республики Казахстан был принят в 1992 г. и имеет вид прямоугольного полотнища (рис. 2). Так же, как и на гербе, основополагающим маркером идентичности символа становится «идеализация национальной истории», обращение к тюркскому наследию. В качестве цветовой палитры вновь использованы голубой и золотой цвета. Ключевой фигурой флага стало изображение солнца с 32 лучами, под которым находится парящий орел (беркут), что, с одной стороны, показывает благополучие государства и стремление к светлому будущему, а с другой – напоминает о кочевом образе жизни. Беркут в эпических произведениях тюркоязычных народов является культовой птицей, символизирует власть, прозорливость [23. С. 248]. У древка обозначен тюркский национальный орнамент, подчеркивающий культурно-исторические ценности Казахстана. Стоит отметить, что первоначальный вариант флага отличался от современного. Орнамент имел другую форму и был прерывистым, а в качестве расцветки символа использовались три цвета – золотой, голубой (лазурь) и красный (червленый) [24]. Красный оттенок показался первому президенту Н.А. Назарбаеву неподходящим по идеологическим соображениям и был заменен на золотой.

Рис. 2. Флаг Республики Казахстан (1992)

Таким образом, герб и флаг Республики Казахстан отражают тюркское наследие, историю кочевых народов. Форма геральдического щита, тинктура, ключевые фигуры, изображенные на символах, показывают, что в качестве основного маркера идентичности выступает «идеализация национальной истории», транслирующая идею о «золотом веке» казахов. Частично используется идентификатор «обращение к традиционной культуре и мифологии» (на гербе – негеральдические фигуры – тулпары). Провозглашенный в начале независимости государства курс на конструирование многосоставной (евразийской) идентичности не нашел своего четкого отражения в официальных символах. Можно говорить о том, что в Казахстане был сделан акцент на этнической (тюркской) идентичности.

Киргизская Республика

Киргизская Республика, так же как и Казахстан, в начале 1990-х гг. имела в этническом составе населения

значительную долю русских (21,5%) [25. С. 58]. После обретения независимости в качестве основного направления развития государства был выбран курс на формирование демократических институтов в обществе (Киргизию даже называли «островом демократии» в Центральной Азии [26. С. 8–14]). Однако основные реформы проводили представители прежней номенклатуры, которые не смогли полностью уйти от советских воззрений, и это породило ряд сложных проблем, в том числе и с конструированием идентичности.

К созданию государственного герба страны органы власти подошли ответственно и в течение двух лет, с 1992 г., проводили конкурс, на котором из 2 234 работ был отобран эскиз под наименованием «Нур-19» [27]. Авторами символа оказались художник, преподаватель А. Абдраев и генерал милиции С. Дубанаев. В 1994 г. официальный герб был утвержден парламентом – Жогорку Кенеш. Так же, как и в Республике Казахстан, символ был представлен в форме восточного (круглого) щита, а в основной геральдической тинктуре использовались металлы – желтый (золото) и белый (серебро), синяя и голубая (лазурь) палитра, т.е. цвета, соответствующие тюркской культуре. Золото показывает могущество, богатство страны, а серебро ассоциируется с благородством и правдивостью. Синий, голубой оттенки символизируют великодушие и честность государства. Ключевой фигурой негеральдического характера на щите оказался белый (серебряный) сокол («Ак Шумкар»), обращенный прямо и обернувшийся вправо, с распростертыми крыльями и лапами. Птица в данной коннотации связывает историческое прошлое и эпос киргизского народа, в котором главный герой – богатырь Манас – получает сокола еще птенцом в качестве подарка, приносящего счастье [28. С. 11]. Преемственность с гербом Киргизской ССР наблюдается в фигурах негеральдического характера, расположенных на заднем плане: озеро Иссык-Куль, отроги снежных гор Ала-Тоо и восходящее солнце. В то же время вершины гор символизируют киргизский национальный войлочный головной убор – «калпак». Обрамление геральдического щита сочетает в себе такие маркеры идентичности, как «идеализация национальной истории» (используется национальный орнамент) и «преемственность по отношению к советскому периоду», что выражено символами травянистых (коробочки хлопчатника) и злаковых (колосья пшеницы) растений.

Рис. 3. Герб Киргизской Республики (2016)

Стоит отметить, что герб 1994 г. имел много геральдических ошибок (визуальная графика, расстояние между буквами, нестыковки и т.д.), да и в принципе не был сведен к единым стандартам. Тем не менее

полностью официальный символ менять не стали, а лишь подкорректировали его в 2016 г. (рис. 3). Несмотря на это, многие исследователи-геральдисты по-прежнему называют его эмблемой [29].

Вопрос о принятии нового флага Киргизской Республики в 1990-е гг. вызвал немало дискуссий при выборе основной палитры символа: так, депутаты с либеральными взглядами поддерживали проект с использованием голубого полотнища, а другие члены Верховного Совета страны, настроенные коммунистически, требовали использовать красный цвет. Окончательный вариант, утвержденный 3 марта 1992 г., был представлен в форме прямоугольного красного полотнища, что, с одной стороны говорит о влиянии эпоса «Манас», поскольку знамя главного героя было такого же оттенка. С другой стороны, такую палитру можно трактовать с точки зрения влияния советского наследия, где эта расцветка была основной в vexilloлогии (рис. 4). Кроме красного оттенка, обозначающего доблесть и смелость, на флаге используется золотой цвет, олицетворяющий покой и богатство. Маркер «идеализации национальной истории» в виде тюркского наследия находит свое отражение в изображении солнечного диска с лучами, объединенными в круг и символизирующими синтез древних племен Киргизии. Внутри диска прорисован тюндюк красного цвета, что соответствует тенгрианским традициям и имеет схожесть с национальным гербом Республики Казахстан.

Рис. 4. Флаг Киргизской Республики (1992)

В итоге можно выделить следующую совокупность маркеров идентичности: «идеализация национальной истории», «преемственность по отношению к советскому периоду» и «обращение к традиционной культуре и мифологии». Прослеживается попытка сохранить традиции советской геральдики и vexilloлогии, отобразив ключевые элементы на гербе и флаге – негеральдические фигуры, обрамление геральдического щита, расцветку. С другой стороны, конструирование официальных символов опиралось на киргизский эпос «Манас», отразивший основные ценности народа и сформировавший образ национального героя в обществе. Неменьшую роль сыграл и тюркский аспект, он находит свое отражение в виде фигуры тюндюка на флаге, национального орнамента на гербе страны. Таким образом, можно констатировать, что органы власти республики в процессе конструирования идентичности не стали определяться с выбором одного основания для идентификации всего населения. Поэтому в качестве основных направлений были выбраны этническая, историческая и культурная идентичности.

Республика Таджикистан

Республика Таджикистан с самого начала своей независимости обладала наибольшим количеством символических ресурсов, и из-за этого возникли определенные культурные дилеммы, которые не были интегрированы в одну идентичность. Итогом противоречий стали межклановые разногласия, вследствие которых началась гражданская война. Лишь с окончанием конфликта органы государственной власти Республики Таджикистан попытались наиболее комплексно подойти к проблеме нациестроительства и сконструировать символическое пространство [30. С. 64–65]. Тем не менее официальная символика оказалась первостепенным по значимости инструментом политики идентичности, поскольку герб и флаг государства появились сразу, с момента провозглашения независимости страны.

Первоначальная версия герба, которая была разработана в 1992 г. З. Хабибуллаевым, А. Заневским и Л. Додхудоевой, несла на себе следы иранского влияния (рис. 5). Герб представлял собой восточный (круглый) щит, а в качестве основной геральдической фигуры выступал крылатый лев. Однако данный герб не закрепился в символике, поскольку изображение льва часто критиковалось за схожесть с гербом шахского Ирана. Из-за этого официальный символ пришлось видоизменить, новая версия была принята 28 декабря 1993 г. (рис. 6).

Рис. 5. Герб Республики Таджикистан (1992)

Рис. 6. Герб Республики Таджикистан (1993)

Современный герб Таджикистана не имеет геральдического щита, что говорит о таком маркере идентичности, как «преемственность по отношению к советскому периоду» (советские гербы не имели щитов). В качестве основной палитры используются металлы: желтый (золото), белый (серебро), а также финифти красного (червлень), зеленого (зелень) и коричневого оттенков. Апелляция к религиозным ценностям, а именно к зороастризму, в полной мере находит свое отражение через ключевую фигуру герба: ею является стилизованная корона, над которой расположен полукруг из семи звезд. Некоторые исследователи отмечают, что

данный символ напрямую связан со словом «тадж», что переводится как «венец», а жители Таджикистана, соответственно, – «увенчанный» народ. Корона, изображенная на геральдическом щите, включает в себя три изображения светильников, которые выступают как священные неугасимые огни (атар) и являются объектами религиозного поклонения в зороастрийских храмах: Атар-Фарнбаг, Атар-Гунасп и Атар-Бурзин-Михр. Другие авторы отмечают, что три выступа – это регионы страны – Хатлон, Заравшон и Бадахшон. Полукруг из семи звезд также представлен неслучайно – число «семь» в зороастризме трактуется как семь добрых духов. К тому же данная цифра в таджикской культуре является символом совершенства, счастья. На заднем фоне символа используются негеральдические естественные фигуры, которые также присутствовали на гербе Таджикской ССР – солнце, восходящее из-за гор, ие хребты Алайских, Заалайских гор и Памира. Преемственность по отношению к советскому периоду выражается и в том, что в качестве обрамления герба используется венок, дополненный символами растений. Поверх венка находится трехполосная лента, содержащая в себе цвета, идентичные флагу Республики Таджикистан – красный, белый и зеленый [31].

Флаг государства был утвержден 24 ноября 1992 г. Он представлен в форме прямоугольного полотнища, состоящего из трех полос красного, белого и зеленого оттенков (рис. 7). Данная цветовая палитра отображает маркер «принадлежность к прошлому страны», преемственность советской вексиллологии, поскольку флаг Таджикской ССР имел аналогичные современному символу цвета. Можно говорить и о традиции следования паниранской палитре, поскольку идентичная цветовая гамма присутствует на флагах Ирана и Курдистана [32]. Такая расцветка напоминает, что древнеиранское общество, согласно священному тексту Авесты, стратифицировалось на три сословия, и каждое из них ассоциировалось с определенным цветом: красный – военные, белый – духовенство, зеленый – земледельцы. В центре флага, согласно маркеру «религиозные ценности», изображена корона с полукругом из семи пятиконечных звезд над ней, аналогичная фигуре на гербе Таджикистана.

Рис. 7. Флаг Республики Таджикистан (1992)

Официальные символы Республики Таджикистан, с одной стороны, отражают такой маркер идентичности, как «преемственность по отношению к советскому периоду», что можно понять по отсутствию геральдического щита, негеральдическим фигурам, обрамлению венка, цветовой палитре. В то же время заметно влияние такого маркера идентичности, как «апелляция к религиозным ценностям», поскольку основным эле-

ментом и на гербе, и на флаге страны является эмблема стилизованной короны, отсылающая к зороастрийским традициям. «Идеализация национальной истории» (иранское / персидское влияние) находит свое отражение прежде всего в геральдической тинктуре. Учитывая множественность маркеров, можно говорить о том, что в Таджикистане с начала 1990-х гг. уделялось особое внимание исторической, религиозной и этнической идентичностям.

Республика Туркменистан

В отличие от других стран региона, Туркменистан после распада СССР сохранил в основе своего устройства традиционный тип общества, в котором социокультурное пространство представляет собой совокупность различных племен. При этом наблюдалась определенная разобщенность как между этническими кланами, так и внутри их самих. Из-за этого в научном дискурсе даже утвердилась концепция, согласно которой туркмены до сих пор являются «нацией племен», а не единой нацией в традиционном понимании данного термина [33]. В попытке консолидации общества и легитимизации собственной власти первый президент страны С.А. Ниязов был вынужден персонифицировать политический режим («культ личности Туркменбаши»), а также фактически ограничить функционирование институциональных механизмов в государстве. Государственный герб Туркменистана с момента обретения независимости поменялся три раза. С 1992 по 2003 г. герб государства имел восточную (круглую) форму щита (рис. 8, 9).

Рис. 8. Герб Республики Туркменистан (1992–2000)

Рис. 9. Герб Республики Туркменистан (2000–2003)

Однако позднее символ был представлен в качестве восьмигранника — Руб аль-хизба — мусульманского знака, который изображается в виде двух наложенных квадратов и образует восьмиконечную звезду (рис. 10). Данная октаграмма в Туркменистане носит название «звезда Огузхана» — древнего героя туркмен (прародителя), что одновременно показывает и тюркские, и исламские традиции народа и говорит о формировании

таких маркеров идентичности, как «идеализация национальной истории» и «апелляция к религиозным ценностям». В то же время такая форма щита нехарактерна для геральдики: звезда может использоваться только в качестве негеральдической фигуры или орнамента, т.е. элементов герба. Вышеперечисленные маркеры отражаются и в цветовой палитре, сочетающей в себе металл (золото) и финифть, представленную в виде зеленого (зелень), красного (червлен) и голубого (лазурь) оттенков. Зеленый цвет в данной коннотации показывает изобилие, считается символом исламских традиций. Красный оттенок обозначает храбрость, а голубой — великодушие, честность страны. Помимо этого, тюркское наследие находит свое воплощение в пяти ковровых гёлях (орнаменты), которые располагаются по часовой стрелке и символизируют родовые племена — ахалтеке, салыр, эрсары, човдур и йомут. В верхней части герба также можно заметить влияние «религиозных ценностей», поскольку здесь располагается полумесяц с пятью пятиконечными звездами. Наконец, важную роль при конструировании герба сыграл такой маркер, как «подчеркивание роли лидера», который нашел свое отражение в центральном элементе щита — негеральдической фигуре Янардага — коня первого лидера страны. Стоит отметить, что на предыдущих версиях герба в качестве основного элемента выступал не Янардаг, а Гырат — конь белой окраски, являющийся героем тюркского эпоса.

Рис. 10. Герб Республики Туркменистан (2003)

Флаг Туркменистана также был утвержден 19 февраля 1992 г. и претерпел изменения в 1997 г. (рис. 11).

Рис. 11. Флаг Республики Туркменистан (2003)

На сегодняшний день символ представляет собой прямоугольное зеленое полотнище, что показывает прежде всего влияние религиозных ценностей (исламских). Также религиозные атрибуты находят свое отражение в основном мусульманском символе — полумесяце, который обозначает чистое небо, а пятиконечные звезды белого цвета выступают как пять велятов, административных единиц страны, — Ахалский, Балканский, Дашогузский, Лебапский и Марыйский. Мар-

кер «идеализация национальной истории» проявляется в виде пяти основных ковровых орнаментов, находящихся у древка.

В официальной символике Республики Туркменистан, в отличие от других стран Центральной Азии, можно увидеть такой маркер идентичности, как «подчеркивание роли лидера», что находит свое воплощение в ключевой фигуре герба – «президентском» коне Янардаге. Кроме того, заметна «апелляция к религиозным ценностям»: тинктура герба и флага – зеленого оттенка, используются символы полумесяца и пятиконечных звезд, а также форма геральдического щита, представлена в виде октаграммы – мусульманского знака. Такой маркер идентичности, как «идеализация национальной истории», отражается в национальном орнаменте герба и флага, обрамлении герба. Таким образом, конструкты, заложенные в символику Туркменистана, также показали формирование нескольких идентичностей одновременно – политической, религиозной и этнической.

Республика Узбекистан

Идентичность узбекского народа носит амбивалентный характер, поскольку влияние на процесс ее формирования оказывали, в частности, монгольский и иранский факторы. Такая ситуация стала особенно противоречивой после распада Советского Союза, так как в стране началась борьба за политическое влияние между различными клановыми группами, в результате чего центральная власть была сильно ослаблена. В данной обстановке первый президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, как и другие лидеры Центральноазиатского региона, был вынужден уделить внимание проблеме формирования новой идентичности.

Герб Республики Узбекистан был принят 2 июля 1992 г. на десятой сессии Верховного Совета страны (рис. 12). Авторство символа принадлежит группе художников и графиков, руководителем которой являлся А. Мамаджанов. Преемственность с гербом Узбекской ССР можно увидеть уже в том, что официальный символ современного Узбекистана не имеет геральдического щита и не согласуется с международными стандартами [34. С. 135].

Рис. 12. Герб Республики Узбекистан (1992)

Тинктура герба представлена в виде двух металлов – желтого (золото) и белого (серебро), а также финифтей – голубой (лазурь) и зеленой (зелень). Золото понимается как могущество и богатство, серебро апеллирует к благородству страны. Голубая финифть отображает великодушие, а зелень символизирует изобилие, свободу.

Культурно-мифологический маркер идентичности находит свое место в виде основного элемента герба – негеральдической фигуры мифической серебристой птицы Хумай (Хумо), обращенной прямо и обернувшейся вправо с распростертыми крыльями. Птица Хумо в иранской и арабской мифологии представляется как волшебная, вещая. Некоторые исследователи отождествляют ее с образом древнего женского божества тюркских народов Умай [35]. На заднем фоне символ дополняют такие негеральдические фигуры, как золотистое солнце, горы (Тянь-Шань, Памиро-Алтай, Зеравшанский и Туркестанский хребты), реки – Амударья и Сырдарья, долины и оазисы (Ферганская долина, Зеравшанская долина, Хорезмский оазис, Бухарский оазис). Солнце в данной коннотации показывает, что Республика Узбекистан – солнечная страна. Апелляция к религиозным ценностям находит свое воплощение в верхней части герба, где располагается мусульманский символ Руб аль-хизб, представляющий собой восьмиконечную звезду. Преемственность с советским периодом прослеживается в обрамлении щита: изображается венок, который состоит с левой стороны из атрибутов травянистых растений (ветки хлопчатника и коробочки хлопка), а с правой – злаковых культур (колосья пшеницы). Венок перевит лентами, воспроизводящими цветовую гамму флага Узбекистана. Колосья пшеницы символизируют хлеб, достаток и изобилие, а раскрытые коробочки хлопчатника – «богатство» страны – хлопок, который называют «белым золотом» [36]. Важно отметить, что первоначальные эскизы герба не отражали преемственность с советским периодом, поскольку вместо природных фигур использовался полумесяц с двенадцатью звездами, а обрамление герба и вовсе отсутствовало.

Современный флаг Республики Узбекистан был утвержден 18 ноября 1991 г. в виде прямоугольного полотнища, состоящего из трех горизонтальных полос голубого, белого и зеленого оттенков (рис. 13). Голубой оттенок, представленный на флаге, показывает небо, воду, белый цвет выступает как символ мира, зеленый обозначает благоприятную окружающую среду страны. «Религиозные ценности» как маркер идентичности находят свое отражение в изображении в левой части полотнища у древка флага в качестве основной фигуры белого полумесяца с двенадцатью пятиконечными звездами. Полумесяц показывает религиозные традиции Узбекистана, а двенадцать звезд соответствуют месяцам, областям страны.

Рис. 13. Флаг Республики Узбекистан (1991)

Таким образом, при интерпретации официальных государственных символов Республики Узбекистан можно выделить следующие маркеры идентичности:

«преемственность с советским периодом», «апелляция к религиозным ценностям» и «обращение к традиционной культуре и мифологии». Для Узбекистана оказалось важным сохранить преемственность с советским периодом, несмотря на то что отношения с Россией были подчас противоречивыми. Но все-таки большую роль при создании герба сыграл культурно-мифологический идентификатор, поскольку центральной фигурой герба стала птица из иранской мифологии – Хумо. Для флага Узбекистана главным маркером стали «религиозные ценности», а в качестве ключевых символов были использованы полумесяц и звезды. Итак, в Республике Узбекистан, так же как и в других странах рассматриваемого региона, на процесс конструирования идентичности повлияли многие факторы. В качестве основных идентификаторов власть Узбекистана выбрала сочетание элементов исторической, культурной и религиозной идентичностей.

Выводы

Искусственно сконструированное символическое пространство, которое досталось новым политическим элитам Центральноазиатского региона после распада СССР, требовало от них незамедлительного принятия тех мер, которые способствовали бы сохранению территориальной целостности и консолидации общества. В рамках проводимой политики формирования новой идентичности создание официальной символики (герб, флаг) стало одним из важных направлений нациестроительства. При выборе новых символов каждое государство опиралось на определенные маркеры, которые призваны были лучше всего отразить историю, традиции и ценности народов, проживающих в стране. На основе интерпретации и компаративного анализа гербов и флагов стран Центральной Азии можно выделить следующие основные маркеры идентичности: «идеализация национальной истории», «преемственность по отношению к советскому периоду», «апелляция к религиозным ценностям», «обращение к традиционной культуре и мифологии», «акцентирование роли лидера».

1. «Идеализация национальной истории». Данный маркер формируется на основе образа исторического прошлого определенного этноса, древнеязычного населения. В таком случае конструирование официальной символики происходит за счет мифологизации и идеализации истории (так называемый «золотой век»), а этносу приписываются особая роль, специфические культурные черты. Государственные символы таких стран отображают традиционные национальные ценности в виде геральдических и негеральдических фигур, используется тинктура, т.е. та расцветка, которая являлась знаковой для данного периода, присутствует декоративный орнамент, отображающий быт этноса. В Центральной Азии на гербах и флагах можно увидеть отсылки к тюркскому и иранскому наследию. Так, апелляция к тюркскому наследию прослеживается на гербах и флагах Республики Казахстан, Киргизской Республики, а также Туркменистана. Иранская преемственность отмечается на гербе и флаге Республики Таджикистан (паниранские цвета на флаге и т.д.).

Поэтому можно говорить о том, что в таких странах был сделан акцент на этнической (тюркской) или этнической (иранской) идентичности.

2. «Преемственность по отношению к советскому периоду». Такой маркер показывает стремление некоторых стран сохранить некоторые традиции советской эпохи на своих гербах и флагах. Этот аспект тесно связан с политикой памяти, которая также является частью политики идентичности. Каждая страна сама выбирает – формировать ей положительное отношение к пребыванию в составе СССР или стремиться убрать из символического пространства все, что было связано с советским периодом. Так, попытки соединить национальные традиции с геральдикой и вексиллологией СССР прослеживаются в гербах и флагах Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики. Киргизское государство частично сохранило на своем гербе негеральдические фигуры, обрамление щита, тинктуру, а на флаге была повторена расцветка. Гербы Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, так же как и гербы советского периода, не имеют геральдического щита (обрамление – коробочки хлопчатника, колосья пшеницы, солнце). Преемственность цветовой гаммы от советского флага наблюдается у Республики Таджикистан, частично у Республики Узбекистан. В то же время не все страны оказались преемниками советской геральдики и вексиллологии. Так, Казахстан и Туркменистан предпочли не сохранять элементы символики прошлых лет, пошли на радикальный разрыв и сформулировали принципиально иную символическую парадигму. Выделение данных маркеров может говорить о том, что в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии был сделан акцент на историческую идентичность.

3. «Апелляция к религиозным ценностям». Такой маркер идентичности находит свое отражение в зороастрийском и исламском культурном наследии стран Центральной Азии. Так, Таджикистан при конструировании новых символов опирался на доисламские традиции своего народа – зороастризм, что нашло выражение в виде стилизованной короны, светильников (неугасимые огни) на гербе и флаге. Большую роль сыграли исламские религиозные ценности, ярко выраженные в виде полумесяца и звезд на гербах и флагах Туркмении, Узбекистана. В отличие от других стран, на официальной символике Казахстана и Киргизии нет полумесяцев или звезд. Таким образом, религиозный акцент наиболее заметен в символике Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

4. «Обращение к традиционной культуре и мифологии». Этот маркер в официальной символике особенно отчетливо прослеживается в символике Киргизской Республики, которая апеллирует к эпосу «Манас» (на гербе в качестве негеральдической фигуры используется изображение «белого сокола» – одного из ключевых персонажей киргизского эпоса, на флаге есть знак Манаса). Республика Таджикистан использует на своем гербе изображение птицы Хумо – волшебной птицы из арабской и иранской мифологии, что может говорить о влиянии и этнического (иранского) фактора. На гербе Республики Казахстан присутствуют изобра-

жения мифических крылатых коней тулпаров. Данный маркер нацелен на формирование уважения к традиционной этнической культуре.

5. «Подчеркивание роли лидера» также выступает в качестве маркера идентичности и находит свое отражение на гербе Туркменистана в виде изображенной негеральдической фигуры Янардага – коня первого президента страны. Такой маркер имеет свою специфику и обычно находится на стыке этнической и политической идентичностей, поскольку прежде всего стремится сформировать осознание причастности индивида к конкретному государству и его лидеру.

Схематично полученные результаты отражены в таблице.

Преобладающие маркеры идентичности в государственной символике стран Центральной Азии

Страны Центральной Азии	Номера маркеров	
	На гербе страны	На флаге страны
Республика Казахстан	1, 4	1
Киргизская Республика	2, 4	1, 2
Республика Таджикистан	3, 2, 1	3, 2, 1
Республика Туркменистан	3, 5, 1	3, 1
Республика Узбекистан	2, 4, 3	3

Таким образом, можно говорить о следующих тенденциях, обозначившихся при конструировании официальной символики стран Центральной Азии. Во-первых, государственные символы стали одной из важных составляющих в политике идентичности каждого региона – с их помощью политическая элита пыталась обозначить те символические индикаторы, которые могли бы стать консолидирующими для всего общества. Во-вторых, на процессы формирования гербов и флагов оказали большое влияние образы и «восточного прошлого (золотой век)» и советской эпохи. В такой дихотомической ситуации выбор между сохранением лояльности к СССР и началом нового государственного строительства оказался непростым. В-третьих, большую роль для некоторых постсоветских республик сыграл маркер «апелляция к религиоз-

ным ценностям» – в условиях смены официальной идеологии религия стала одним из ключевых факторов интеграции общества и обеспечения легитимности новой политической власти. К этому стоит добавить, что с технической стороны современные гербы и флаги стран Центральной Азии вызывают немало споров, так как из-за специфики конфигурации их щитов, полотнищ флагов к ним бывает сложно применить традиционные блазонные термины, геральдический язык.

В целом можно сказать, что центральноазиатские республики выработали свою модель в геральдике и вексиллологии, сильно отличающуюся от европейской. Новые официальные символы в странах Центральной Азии не решили ценностных дилемм разных идентичностей (исторических, культурных, политических, религиозных, этнических), но обозначили те направления развития государств, которые представлялись приоритетными для новых элит в конкретной исторической обстановке начала 1990-х гг. Неудивительно, что в символике нередко встречалось синкретичное переплетение элементов разных традиций и разных идеологий. Кроме того, необходимо отметить, что символика гербов и флагов отражала далеко не все реальные тенденции эволюции политических режимов. Так, маркер «подчеркивание роли лидера» был широко распространен в политической практике не только Туркменистана, но и других государств региона. Особая роль лидера, например, была неоднократно отмечена в Казахстане, в том числе и переименованием столицы страны в Нур-Султан [37]. Поэтому, если рассматривать в комплексе не только символическую политику, но и все другие стратегии и практики политики идентичности, можно увидеть, что многие направления данной политики формировали своеобразную «гибридную макрополитическую» идентичность (о содержании данного термина подробнее см. статью О.Ю. Малиновой: [38. С. 5]). Такая ситуация означает, что процесс преодоления «кризиса идентичности» и выстраивания нового символического пространства находится в еще не завершенной стадии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris : Minuit, 1980. 475 p.
2. Erikson E.H. Identity: youth and crisis. New York : W.W. Norton company, 1968. 336 p.
3. Морозова Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
4. Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28.
5. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana : University of Illinois Press, 1964. 201 p.
6. Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermanns-Mythos. Hamburg : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. 421 S.
7. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М. : Ин-т науч/ информации по общественным наукам РАН, 2013. 421 с.
8. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
9. Elgenius G. The politics of recognition: symbols, nation building and rival nationalisms // Nations and Nationalism. 2011. Vol. 17.2. P. 396–418.
10. Jovanovich N.M. State symbols as an element of religious and national identity // Religions, identities, policies – points of convergence and divergence. Belgrade : Institute of Social Sciences, 2020. P. 17–23.
11. Пчелов Е.В. Официальная символика современной России и советский дискурс // Русская антропологическая школа. 2010. Вып. 7. С. 25–48.
12. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М. : Языки славянских культур, 2006. 488 с.
13. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality. United States: sociology of knowledge. New York : Doubleday, 1966. 240 p.
14. Hobsbaum E. The invention of tradition. New York : Cambridge University Press, 1983. 334 p.
15. Olcott M.B. Central Asia's second chance. Washington : Carnegie Endowment for Int'l Peace, 2005. 389 p.
16. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. 2013. № 1-2 (58). С. 6–20.

17. Бурнашев Р.Р. Центральнoазиатские исследования в контексте международных отношений // Вестник РУДН. Сер/ Международные отношения. 2018. Vol. 18, № 2. С. 400–410.
18. Frappi C. Identity, security, and development policies. The drivers behind cooperation in Central Asia // Cooperation in Eurasia Linking Identity, Security, and Development. 2018. March. P. 157–187.
19. Конжак И. Национальная идентичность в Центральной Азии // Alatau Academic Studies. 2021. № 1. С. 279–285.
20. Алексеенко А. Население Казахстана между прошлым и будущим // Население и общество : электронная версия бюллетеня. 2006. URL: <https://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/> (дата обращения: 11.05.2021).
21. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. Караганда : Арко, 2006. 372 с.
22. Государственный флаг Казахстана // Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <http://www.vexillographia.ru/kazakhstan/state1.htm> (дата обращения: 14.06.2021).
23. Кулбаракова З.А. Культ и тотемный знак Беркута в Кыргызско-Алтайских эпосах (на примерах эпосов «Манас» и «Маадай Кара») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). С. 248–251.
24. Антонов С. История флага Казахстана // Vox populi. 2014. 17 дек. URL: <https://voxbopuli.kz/2460-istoriya-flaga-kazakhstana/> (дата обращения: 24.05.2021).
25. Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги. М. : Наталис, 2006. 597 с.
26. Князев А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости : (очерки постсоветской истории). Бишкек : Общественный фонд Александра Князева, 2012. 420 с.
27. Гербу Кыргызской Республики – 27 лет: генерал Дубанаев поделился историей создания государственного символа // Вечерний Бишкек. 2021. 14 янв. URL: https://www.vb.kg/doc/396150_gerby_kr_27 лет: general_dybanaev_podelilsia_istoriei_sozdaniia_gossimvola.html (дата обращения: 14.05.2021).
28. Бакчиев Т.А. Интерпретация некоторых символов в эпосе «Манас» // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. Вып. 1. С. 9–15.
29. Nas N. Как мы рисовали герб? // Nurbek Nas. 2016. 27 окт. URL: <https://medium.com/@nurbek/как-мы-рисовали-герб--a4f46a94463d> (дата обращения: 04.06.2021).
30. Шозимов П. Переосмысление символического пространства узбекской идентичности // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 64–67.
31. Ревнивцев М. К вопросу о скрытой символике флага и гербов Республики Таджикистана // Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <http://www.vexillographia.ru/tadjik/secret.htm> (дата обращения: 19.04.2021).
32. Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Норвежский институт международных дел. Центр российских исследований. 2005. 6 июня. URL: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1119947605.html (дата обращения: 18.05.2021).
33. Государственный герб Туркменистана // Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <http://www.heraldicum.ru/turkmen/state1.htm> (дата обращения: 19.04.2021).
34. Карамышев О.М. Щит в геральдике как часть общая и фигура особенная // Карамыш : краеведческий и исторический альманах. 2012. С. 135–153.
35. Черемисин Д.В. К изучению ирано-тюркских связей в сфере мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 1. С. 342–345.
36. Сапрыков В. Птица Хумо Узбекистана // Наука и жизнь. 1994. № 1. С. 23–24.
37. Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г. От Акмолинска до Нур-Султана: влияние государственной идеологии на формирование официальной символики города // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 2 (118). С. 41–48. DOI: 10.14258/izvasu(2021)2-06
38. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. № 1. С. 5–28.

Anna D. Derendyaeva, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Yury G. Chernyshov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ashpi@yandex.ru

ADOPTION OF STATE SYMBOLS IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE BEGINNING OF THE 1990s: MAIN MARKERS OF IDENTITY

Keywords: Central Asia, post-Soviet space, symbolic politics, identity politics, official state symbols.

The official state symbols (coats of arms and flags) of the countries of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan) are investigated in this article. The Central Asian region is now in the focus of international politics, as this crossroad of civilizations is of geopolitical importance. After the collapse of the USSR, a society heterogeneous in terms of ethnic and religious composition became the scene of internal dissociations in many republics. That is why the identity policy pursued by the authorities had to accommodate the interests of both small and large social groups. The symbolic space formed in this situation became a field of reflection for various identity markers. Among the main symbolic indicators were the official state symbols, which assumed the role of a consolidating instrument. However, under conditions of time limitation (and often of scant practical experience), the design of emblems and flags turned out to be a difficult task. The study attempts to summarize the experience of designing coats of arms and flags in the countries of Central Asia, as well as to conduct their comparative analysis followed by identification of general and specific identity markers. In the study, the approaches of the social constructivism theory by P. Berger and T. Luckmann are taken into account, in which the coats of arms and flags are considered as “invented traditions” (E. Hobsbawm), that is, elements of symbolic space specially constructed. The empirical research methods are presented in the work by a comparative analysis of the heraldry and vexillology of the region. As a result of this work, the authors managed to identify the main identity markers: 1) “idealization of national history”, 2) “continuity relative to the Soviet period”, 3) “appeal to religious values”, 4) “appeal to traditional culture and mythology”, 5) “emphasizing the role of the leader”. A conclusion is drawn that a specific model of heraldry and vexillology has been formed in Central Asia, sometimes not corresponding to European standards. The symbols reflected those directions of the development of the states, which seemed to be of top priority for the new elites under the concrete historical setting of the 1990s. Sometimes the elements of different traditions and different ideologies were entwined there syncretically. The plurality of identity markers ultimately reflects the formation of a “hybrid macropolitical” identity in these countries, which shows the “identity crisis” that has not been fully overcome so far.

REFERENCES

1. Bourdieu, P. (1980) *Le Sens pratique*. Paris: Minuit.
2. Erikson, E.H. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton Company.
3. Morozova, E.V. (2008) Lokal'naya identichnost': formy aktualizatsii i tipy [Local Identity: Forms of Actualization and Types]. *Politicheskaya ekspertiza: Politexs – Political expertise: POLITEX*. 4. pp. 139–151.

4. Semenenko, I.S. (2016) Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 8–28. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03
5. Edelman, M. (1964) *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press.
6. Dörner, A. (1996) *Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermanns-Mythos*. Hamburg: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
7. Malinova, O.Yu. (2013) *Konstruirovaniye smyslov: issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [Meaning Construction: A Study of Symbolic Politics in Contemporary Russia]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
8. Potseluev, S.P. (1999) Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatiy dlya podkhoda k problem [Symbolic politics: a constellation of concepts for an approach to the problem]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 62–75.
9. Elgenius, G. (2011) The politics of recognition: symbols, nation building and rival nationalisms. *Nations and Nationalism*. 17th February. pp. 396–418.
10. Jovanovich, N.M. (2020) State symbols as an element of religious and national identity. In: Blagojević, M. (ed.) *Religions, identities, policies – points of convergence and divergence*. Belgrade: Institute of Social Sciences. pp. 17–23.
11. Pchelov, E.V. (2010) Ofitsial'naya simvolika sovremennoy Rossii i sovetskiy diskurs [Official symbols of modern Russia and Soviet discourse]. *Russkaya antropologicheskaya shkola*. 7. pp. 25–48.
12. Soboleva, N.A. (2006) *Ocherki istorii rossiyskoy simvoliki: ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Essays on the history of Russian symbolism: from tamga to symbols of state sovereignty]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
13. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality*. United States: Sociology of Knowledge.
14. Hobsbaum, E. (2005) *The Invention of Tradition*. New York: Cambridge University Press.
15. Olcott, M.B. (2005) *Central Asia's Second Chance*. Washington: Carnegie Endowment for Int'l Peace.
16. Laruelle, M. (2013) Vneshnyaya politika i identichnost' v Tsentral'noy Azii [Foreign policy and identity in Central Asia]. *Pro et Contra*. 1-2(58). pp. 7–21.
17. Burnashev, R.R. (2018) Tsentral'noaziatskie issledovaniya v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy [Central Asian studies in the context of international relations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 18(2). pp. 400–410.
18. Frappi, C. (2018) Identity, security, and development policies. The drivers behind cooperation in Central Asia. In: Frappi, C. & Pashayeva, G. *Cooperation in Eurasia linking identity, security, and development*. Ledizioni. pp. 157–187.
19. Konzhak, I. (2021) Natsional'naya identichnost' v Tsentral'noy Azii [National identity in Central Asia]. *Alatau Academic Studies*. 1. pp. 279–285.
20. Alekseenko, A. (2006) Naselenie Kazakhstana mezhdru proshlym i budushchim [The population of Kazakhstan between the past and the future]. *Naselenie i obshchestvo*. 16th May. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/> (Accessed: 11th May 2021).
21. Nazarbaev, N.A. (2006) *Kazakhstanskiy put'* [The Kazakhstan way]. Karaganda: Arko.
22. Russian Centre of Vexillology and Heraldry. (n.d.) *Gosudarstvennyy flag Kazakhstana* [The state flag of Kazakhstan]. [Online] Available from: <http://www.vexillologia.ru/kazakhst/state1.htm> (Accessed: 14th June 2021).
23. Kulbarakova, Z.A. (2018) Cult and totem of golden eagle in the Kyrgyz-Altai eposes (a case study of “Manas” and “Maaday kara” eposes). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 11(89). pp. 248–251. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-11-2.6
24. Antonov, S. (2014) Istoriya flaga Kazakhstana [History of the flag of Kazakhstan]. *Vox populi*. 17th December. [Online] Available from: <https://voxpopuli.kz/2460-istoriya-flaga-kazakhstana/> (Accessed: 24th May 2021).
25. Kosmarskaya, N.P. (2006) “*Deti imperii*” v postsovetsoy Tsentral'noy Azii: adaptivnye praktiki i mental'nye sdvigi [“Children of the Empire” in Post-Soviet Central Asia: Adaptive Practices and Mental Shifts]. Moscow: Natalis.
26. Knyazev, A.A. (2012) *Vektory i paradigmy kirgizskoy nezavisimosti : (ocherki postsovetsoy istorii)* [Vectors and paradigms of Kyrgyz independence: (essays on post-Soviet history)]. Bishkek: Alexander Knyazev Public Foundation.
27. *Vechniy Bishkek*. (2021) Gerbu Kyrgyzskoy Respubliki – 27 let: general Dubanaev podelilsya istoriey sozdaniya gosudarstvennogo simvola [The coat of arms of the Kyrgyz Republic is 27 years old: General Dubanaev shared the history of the state symbol]. 14th January. [Online] Available from: https://www.vb.kg/doc/396150_gerby_kr_27_let_general_dybanaev_podelilsia_istoriey_sozdaniia_gossimvola.html (Accessed: 14th May 2021).
28. Bakchiev, T.A. (2017) Interpretation of some characters in the epic “Manas”. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii – BSU Bulletin. Human Research of Inner Asia*. 1. pp. 9–15. (In Russian). DOI: 10.18101/2305-753X-2017-1-9-15
29. Nas, N. (2016) *Kak my risovali gerb?* [How did we draw the coat of arms?]. 27th October. [Online] Available from: <https://medium.com/@nurbek> (Accessed: 4th June 2021).
30. Shozimov, P. (2005) Pereosmyslenie simvolicheskogo prostranstva uzbekskoy identichnosti [Rethinking the symbolic space of Uzbek identity]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 64–67.
31. Revnitshev, M. (n.d.) *K voprosu o skrytoy simvolike flaga i gerbov Respubliki Tadzhikistana* [On the hidden symbolism of the flag and emblems of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: <http://www.vexillologia.ru/tadjik/secret.htm> (Accessed: 19th April 2021).
32. Kadyrov Sh. (2005) Etnologiya upravleniya v Sredney Azii: vchera, segodnya, zavtra [Ethnology of management in Central Asia: yesterday, today, tomorrow]. *Norvezhskiy institut mezhdunarodnykh del. Tsentru rossiyskikh issledovaniy*. 6th June. [Online] Available from: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1119947605.html (Accessed: 18th May 2021).
33. The Russian Centre of Vexillology and Heraldry. (n.d.) *Gosudarstvennyy gerb Turkmenistana* [The state emblem of Turkmenistan]. [Online] Available from: <http://www.heraldicum.ru/turkmen/state1.htm> (Accessed: 19th April 2021).
34. Karamyshev, O.M. (2012) Shchit v geraldike kak chast' obshchaya i figura osobennaya [The shield in heraldry as a common part and a special figure]. In: Karamyshev, O.M. et al. *Karamysh: kraevedcheskiy i istoricheskiy al'manakh* [Karamysh: local history and historical almanac]. pp. 135–153.
35. Cheremisin, D.V. (1995) K izucheniyu irano-tyurkskikh svyazey v sfere mifologii [On Iranian-Turkic relations in the sphere of mythology]. In: Alekseev, N.A. (ed.) *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [Aborigines of Siberia: problems of studying endangered languages and cultures]. Vol. 1. Novosibirsk: RAS. pp. 342–345.
36. Saprykov, V. (1994) Ptitsa Khumo Uzbekistana [Humo Bird of Uzbekistan]. *Nauka i zhizn'*. 1. pp. 23–24.
37. Derendayeva, A.D. & Chernyshov, Yu.G. (2021) From Akmolinsk to Nur-Sultan: the Influence of the State Ideology on Developing the Official City Symbols. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2(118). pp. 41–48. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2021)2-06
38. Malinova, O.Yu. (2010) Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii: simvolicheskaya politika v transformiruyushchey publichnoy sfere [Construction of macropolitical identity in Post-Soviet Russia: symbolic politics in the transforming public sphere]. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks – Political expertise: POLITEX*. 1. pp. 5–28.